

Не услышишь, не увидишь,
Лишь почувствуешь щекой,
Как из чащи кто-то выйдет,
Кто-то встанет за спиной.
Обернуться не пытайся,
Не срывайся впопыхах,
Мягкой лапой ступая,
За тобой идет твой страх.
(Гату Н'Гору)

Эта хрень в субботу началась. Я тогда думал, что в субботу. Все так считали. Шухер соседка Таиска подняла. Влетела к нам с визгом. Мне моя только тарелку борща поставила, а тут эта: «Тигр Толяна забрал!» — типа, тот покурить в сумерках вышел, потом какая-то возня, она выскочила, а огромная рыжая скотина херась через плетень, и Толян у нее, у скотины этой, через плечо. Ага, украли любовника тигры. Чего к нам-то? В полицию звони!

Полицаи из Преображения через час приехали. Ходили там по огороду, смотрели. Нам-то любопытно, полдеревни за плетнем собралось.

И дурачок наш, Ричард, тут же, под зонтиком стоит у забора, мента за рукав дергает: «Это, — грит, — Ричард Палмер». Я думал, он представиться решил, а моя грит, это тигр из кина какого-то, не знаю. Мент отмахнулся, ну видно же, что с кукухой парень, дак Ричард рассвирепел, не любит, когда его за психа держат, разорался.

— Я Ричард! И я вас всех имел в виду! — зонтиком в мента тычет.

Ну полицаи кинулись его вязать.

А тут с това конца бежит Савельев, сторож при лесопилке, орет:

— Полундра! Пожар на палубе!

Он в стары годы во флоте служил.

На самом деле никакой не пожар, а просто шухер, у него невестка Наська пропала. В сортир вышла, а взад не вернулась. Ну Савельев и смикитил, что ее того, тож Ричард сожрал. Не дурачок, в смысле, а тигр.

Менты побежали ихний сортир оцеплять.

Это токо начало было. Для разгону, типа. В воскресенье исчезли ещё двое, за грибами ушли и с концами. А в понедельник тигр продавщицу сельпо сожрал. Как не подавился? Она уж больно зловредная была, никогда в долг пузырь не отпустит. Хлеба там или колбасы, пожалуйста, а водки накося выкуси. Стерва. Утром пошли бабы, а на крыльце только ейные боты стоят. И дверь не заперта. Жаль, я не знал, что сельпо не заперто.

А улик никаких. Ни кровей, ни рук-ног пооткусанных. Только следы тигриные. Здоровенные такие.

К среде у нас тут и менты оцеплением встали, и зоологи со снотворными ружьями выстроились, и телик чуть ли не с Москвы приехал. Аномалия, короче. Людей тигр жрет. У нас тут, ясен пень, не Невский и не Тверская, места глухие — горы, тайга... Сихотэ-Алинь, слыхали? Дорога тонкой ниточкой, на ней редкими бусинками деревни. У нас вон, вообще, нормальную дорогу всего три года как проложили. До этого петляли по грунтовке, расстояние по карте в пару десятков кэмэ, а шкандыбаешь больше часа. Спрямили, славтеосподи. Но и в нашей глуши запросто человеком кормиться зверям не полагается.

Народ перебздел. По вечерам не то что на улицу, на двор до ветру никто не выходит, все по домам забаррикадировались. Эта скотина, а его уж никак кроме Ричарда Палмера и не звали, в сумерках является. Поэтому чуть темнеет, все по норам.

И в среду же ко мне бабка Нэдига заявила. Вечером. Ей не страшно что ли? Или она от старости с ума спрыгнула?

Нэдига — моя двоюродная бабка. В стары годы ее брат, мой дед, женился на русской бабе, ну и положил конец удегейскому роду. А Нэдига, младшая сестра, замуж не вышла. Так что всё, мы теперь русские, на удегè я только ругаться могу, да и то не особо заковыристо.

— Бабуль, — грю, — чё ты по темноте-то? Не слыхала чё ль про тигра-людоеда?

Она сухонькой лапкой махнула:

— Он меня не тронет.

Пожевала выцветшими губами и добавила:

— И тебя не тронет. Ты его привёл, тебе его и выгонять.

Совсем старуха из ума выжила. А была... Интеллигентная, между прочим, была, не простого пошиба.

Чаю я ей налил, сели на кухне. Жена нам компанию составлять не стала. Ей, ясен пень, любопытно было, но Нэдига на неё глянула, и та пошла. Книжку, грит, почитаю, сами тут.

Бабка чай прихлебывает, сморщенные веки щурит:

— Послушай сказку. Давным-давно родилась на свет девочка. У отца с матерью был уже сын, сильный красивый мальчик. Не хотели они, чтоб кто-то ещё у них родился, и назвали дочь Нэдига, последний ребёнок. Как подросла девочка, отдали ее в учение старой шаманка по имени Тигр. Многому научила шаманка, да не всему, что знала — ушла к предкам. А девочку советская власть в интернат определила, выкормила, выучила. И стала Нэдига других детишек учить.

— Баушк, — грю, — эту сказку я наизусть знаю. Много лет учила она детей математике, стала заслуженным учителем и директором школы, в которой я, между прочим, учился.

Растянула бабка рот, ухмыльнулась:

— Конец сказки не знаешь. Не забыла Нэдига, чему учила ее старая шаманка. За всю свою долгую жизнь не забыла. А вот ты внучек забыл, — ткнула мне сухим, как сучок, пальцем в лоб. — То, что забыть не мог, не должен был, забыл намертво. И без старой глупой Нэдиги не вспомнишь.

— Чё я забыл-то? Таблицу умножения? Интегралы с этими, как их, логарифмами? Дак оно мне не надо.

Бабка чашку на клеенку поставила, отодвинула. Вытащила откуда-то из своих одежек трубочку коротенькую, раскуривать принялась. Поплыл по кухне запах сладковатый, прелый. Чего у ней там набито? Табак ли? Если б я на кухне курить удумал, моя б мне сразу в лобешник зазвездила, а тут закон гостеприимства — дыми, бабуля, наслаждайся.

От бабкиной махорки поплыло все перед глазами, то ли она враз кухню задымила, то ли у неё и впрямь какие мухоморы с анашой там намешаны. И вроде я все ещё на табуретке перед столом сижу, кружка с чаем в руке, а в то же время вот он я — за рулем уазика своего, бухой, не столько рулю, сколько держусь за баранку, чтоб не вывалиться. Вечер пятницы, мы всей бригадой прибавление в семействе моего напарника отмечали. Ну и что-то я наотмечался по верхнюю рисочку.

Приспичило мне отлить. Тормознул, вылез — стою, обочину подписываю. Тут мне кто-то руку на плечо положил. Сзади подошёл. Я от неожиданности струю не туда направил, по сапогам прыс -с-с. А этот хихикает. И голос вроде детский. Дописал наскоро, без удовольствия, хозяйство в штаны заправил, счас, думаю, дохихикаешься, пацан.

Обернулся, мать честная, это ж Колька. Колька, брательник мой, недомерок пятнадцатилетний. Как всегда, в этой своей, ну такой с капюшоном, молодняк любит носить, из-под капюшона только челка длинная свисает на бок. И очки. «Колян, — грю, — ты откуда, ты чё тут ночью-то?» А он мне чё-то в ладонь суёт, ещё ногтями царапнул, вечно они у него не стриженные. И улыбается. Зубы белые, острые, клыки длинные, как будто он в вампира играет, челюсть нацепил. И глаза в свете фар сверкают. Коту если в глаза посветить телефоном, они таким зелёным вспыхивают. Вот и у Колька так. Я глянул, чё он там сунул-то. Варган. Маленькая загогулина латунная с язычком. Колька все на такой хрени играл. Целыми днями гудел. Даже в школьном ансамбле выступал.

Потом ничего не было. Провал. А потом я вроде как дальше рулю. И при этом на варгане играю. Вот как? И рулю, и играю.

Развиднелось чутка. Опять я на кухне, опять в руке кружка, не руль, не варган. Бабка рукой дым разгоняет:

— Вспомнил?

Не, это не вопрос был. Она не спрашивала. Знала, что вспомнил. Хотя, чё вспомнил-то? Колька уж три года, как пропал. Ушёл к реке на варгане своём тренькать и пропал. Не нашли. Если что и было там на дороге, с пьяных глаз померещилось. Смотрю бабке в глаза, вижу — не померещилось, она тоже это видела. Черт знает, как, но видела. Не забыла Нэдига, чему учила ее шаманка по имени Тигр.

— Ты, внучек, его дзагу играл, он пришёл. Он хотел прийти, тебе свой варган отдал, знал, что позовёшь.

— Да кто пришёл? Колька что ли?

Бабка головой качает:

— Не Колька, нет. Дух Тигра. Амба. Он мальчика забрал.

— Сожрал что ли?

— Нет. В себя вобрал, им стал, слился. Трудно объяснить.

— А чего вдруг решил к нам заглянуть? Соскучился?

Бабка трубочку свою выбила, на блюдечко чайное какие-то серые лохмотья выпали, грит:

— Дорогу строили, она прямо через дом Тигра легла, через могилу. Тигр злится.

Я уж от этой белиберды чесаться начал: какой тигр, какой Колька, обкурила меня бабуленька наркотой, теперь байками удегейскими кормит.

А бабка смотрит на меня строго. Вот прям, как в школе, когда в кабинетик свой директорский вызывала и мордой об тейбл возила за провинности всякие. Даром что ей уж почти 90, а мне самому тридцатник пару лет как стуканул, хочется глаза опустить: «Я больше так не буду».

— Глуп ты, внучек. Всегда глуповат был, поэтому дальше механика не продвинулся. Никогда два и два сложить не мог. Шаманка, как умерла, тело человечье, ветхое сбросила, Тигром стала. Я видела, как она в лес уходила. Тело ее я же и хоронила, больше некому было.

— И чего, дорогу отодвигать? Или эта твоя шаманка всю деревню сожрет? Или кто там? Дух Тигра?

Я ещё много чего сказал. Я вообще прыгал по кухне молодым орангутангом и орал, что все это фуфня, что на дворе двадцать первый век, и, хоть мы и в деревне живем, но вот же всего пара десятков кэмэ до цивилизации — до школы, до завода, до интернета, что нет

никаких духов и мертвые шаманки спустя фигову тучу лет не вселяются в подростков, и что нехрен тут мухоморы курить. Потом до меня дошло, что я ору, а моя жена даже не вылезла сюда, книжку читает за тонкой перегородкой и не слышит. Только я об этом подумал, бабка грит:

— Спит она. Я попросила, чтоб спала.

Вот на этом я сломался. Вышел, глянул — спит, на диванчике свернулась кошкой, кулачок под щеку.

Вернулся в кухню.

— Ладно, — грю, — делать-то чего?

Бабушка опять принялась трубочку набивать. Вот прямо из кармана вытащила каких-то листиков пригоршню, на клеёнку стола бросила. Вроде там брусничные листочки, мох и просто мусор неопределимый. Размяла пальцами и в трубку натыкала.

Чиркнула спичкой, затянулась. Подняв голову, пустила колечко дыма.

— Пойдёшь, внучек, на ту сторону. Что делать, научу. Я хороший учитель, заслуженный, — и столько в ее словах иронии, даже издёвки, будто всю свою жизнь она ни в грош не ставит, всю, что после смерти шаманки прожила. — Будешь дзагу играть, выманивать Тигра. Если все получится, он вернётся туда, в нижний мир.

— А если не все получится?

Плечами пожала. Не ответила.

Сизой плоской камбалой плыл дым от трубочки, собирался под потолком, клубился вокруг желтого абажура, висящего над столом. Разъедал глаза, заставляя щуриться. Бабушка молчала. Молчал и я. Ждал, когда же начнётся ученье. Курс молодого бойца оказался коротким, уложился буквально в пару предложений. Она вытащила из кармана магнитик. Такие у меня на холодильнике висят. На магнитике аляповатый амурский тигр.

— Вот, — грит, — стражу отдашь, это плата.

— За вход? — спрашиваю.

— За выход.

Ещё две затяжки — пара колечек присоединилась к сизой камбале, и та, плавно двинув плавниками, закачалась над моей головой.

— Варган не забудь, — и я, как автомат или послушный зомби, вышел в прихожку, сунул руку в карман рабочей куртки, вытащил желтую металлическую загогулину. Я уже знал, что он там.

Когда я вернулся в кухню, на столе было пусто, клеенка влажно блестела, бабушка стояла возле с большим бубном и колотушкой. В любимой пиалушке жены плавал в жире и дымно горел фитиль. В раковине тлели ветки, судя по запаху, багульник. Чёрная вонючая копоть вплеталась траурной лентой в призрачное рыбье тело. Запрыгнув на стол, я улёгся, поерзал для удобства и закрыл глаза. В одном кулаке я крепко сжимал Колькин варган, в другом — дешёвый магнитик для холодильника.

Поехали.

Тихонько, мягко, нежно прикоснулась колотушка к бубну, будто подтолкнула в плечо, давай, мол. Бубен откликнулся, спросил: «А надо ли?» Колотушка толкнулась сильнее: «Надо». «Ладно», — согласился бубен и зарокотал низко и размеренно. Я плыл по волнам этого рокота, качался. Как в колыбели. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Колотушка старалась, разгонялась. Быстрее и быстрее. И тут добавилась дзага. Бабушка выпевала мелодию без слов. Возможно, это были слова. Не русские. Не удегейские. Доисторические, доязыковые слова. Возможно, это был язык богов. Низким, совсем не женским голосом пела бабушка. Да и разве это был человеческий голос? Это был голос Мира — гор, деревьев, неспешно растущих на склонах, ветра, причесывающего их кроны, камней, воды, неба. Бабушка пела, голос вёл меня, тащил. Мир вокруг менялся: небо серело, солнце чернело, деревья крошились щепками, горы выравнивались. Мир выцветал.

Качается подо мной стол. Да это не стол вовсе, лодка. Плывет лодка по серым волнам несёт меня к берегу. Ткнулась носом в песок.

Серый песок. Только серый песок, струящийся под ногами с тихим змеиным шипением. Серое небо, однотонное, скучное. Чёрное солнце. Отсутствие тени. И небольшой домик, треугольная крыша от самой земли. Даже не домик, шалаш — тонкие

стволики в землю воткнуты, сверху связаны, крыт шалаш корой да землей — джунга удгейская.

Мне туда.

Вылез я на берег оглядел себя, ишь как вырядился: халат и портки белые, унты из оленьего меха, на поясе кошель. А что в нем? Варган да магнитик с тигром.

Стучать не стал, вошёл, вижу: сидит в джунге бабка, трубочку покуривает. Повела она носом:

— Фу, никак живого принесло? Зачем сюда явился?

Я, как Нэдига научила, кричу громко, сердито:

— Чё пристала с расспросами? Корми давай, старая!

Орать-то ору, а у самого поджилки трясутся, мертвая шаманка передо мной, та самая, Тигр или по удегейски —Амба.

Шаманка подхватила, у очага пошурудила, подаёт мне миску кутьи, как на похоронах едят, и ложку. Стал я есть. Вкус у кутьи странный такой, на кашу совсем непохож, вроде я разноцветные пузыри глотаю, фиолетовые, желтые, голубые. Сlopал всю миску и грю бабке:

— Ворота отпирай, мне на тот свет надо.

Она плечами пожала:

— Иди, — грит, — открыто.

Ну вышел обратно — ни реки, ни песка, зима кругом, снег по колена, горы, тайга. Но тоже все бесцветное, как выцветшее.

Полез я в гору. Откуда-то знаю, куда идти надо. Да только хрен по целине пролезешь, сразу полные унты снега начерпал, портки к ногам липнут, холодно. Метров триста я пробуксовал и тут вспомнил, я ж летать умею. Какого ж я тут, как раздавленная гусеница, пластаюсь. Оттолкнулся и полетел над верхушками деревьев. Летел, летел, и вот внизу елки

расступались, небольшое плато, на нем джунги, между ними люди ходят, своими делами заняты. Спускаюсь прям посере́дке возле идола с тигриной башкой.

Эти все ко мне направились. Неспешно подходят, окружают. Смотрю, вона продавщица стервозная, а вона Толян, что первым на тигре в тайгу ускакал. Наши люди! Вытащил я из поясного кошелья варганчик и заиграл. А чтоб они меня не мацали, подпрыгнул и завис над ними. Они бõшки задрали, слушают. Не знаю, долго ль я бренчал, варган дело такое, вибрирует и тело игруна в мировую вибрацию включает, думаешь пяток минут потрени́кал, глядь, куда время улетело, больше часа прошло. Вишу, бренькаю, вибрирую мировой струной.

И плывет над мертвыми жителями потустороннего стойбища, над инферальным лесом дзага Тигра. Откуда я знал, что именно она? Откуда я ее саму знал? А хрен знает. Но только это точно была она, мелодия полная жадной, вечно голодной силы, самовлюблённой уверенности, хитрости и жестокого юмора. Мелодия тигриной сущности.

А вот и результат — выходит из лесу тигрище, здоровый, раза в полтора выше, чем природой предусмотрено. Вот он, сладенький. Вот к кому я приперся. Амба, Отец-Тигр. Сел тигр на свою задницу плюшевую, по-кошачьи хвостом лапы обернул, морду ушастую задрал ко мне, тоже слушает. Потом кувыркнулся через спину, и вот уж не огромный котяра передо мной, а Колька, пацан пятнадцатилетний в чёрной толстовке с капюшоном, мой мёртвый брат.

— Колька, — грю, — забери свой струмент и не ходи к нам больше, — и варганчик с высоты ему сбросил.

Слету поймал он свой варган и рукой мне машет, спускайся, мол. Фигушки-фигушечки, бабуля моя строго настрого велела подальше от покойничков держаться, не даваться им в руки, схватят — останусь тут навечно, на наш свет не вернусь.

Тут все мертвецы и Колька с ними лихо, как клоуны цирковые перекувырнулись и в тигров обратились. Хвостами по бокам лупят, кругами ходят, взрыкивают, на меня плятятся. И чую, тянет меня вниз, кошки полосатые взглядами своими, как веревкой, меня подтягивают. Засучил я ногами, свалились с них унты, замахал руками, рукавами халата, как крыльями, и полетел прочь.

А тигры за мной бегут и тянут, тянут меня книзу. Лечу, что есть силы руками машу, а все ж опускаюсь потихоньку, цепляю животом верхушки ёлок, ветки. Все ниже и ниже. Но и джунга шаманки все ближе. Рухнул я прямо возле треугольного домика, побежал по снегу босиком. Прыгнул Колька, скотина полосатая, цапнул зубами полу халата, потащил к себе. Извернулся я, пояс развязал, халат в Колькиных зубах оставил, сам с поясом в руках в джунгу нырнул.

— Выпускай меня, старая, на белый свет!

И магнитик ей в морщинистую лапку сую.

Она на картинку глянула, седой головой качнула:

— Иди, не заперто.

Очнулся я, форточка открыта, остатки дыма наружу уплывают. Сполз я со стола чё-то с трудом, руки болят, спину ломит, то ли простыл, то ли на том свете намахался, с непривычки летать не так уж и просто. Бабку спрашиваю:

— Получилось? Ушел Тигр-то?

Она глаза прикрыла, наверно, это было: «да».

— А не вернется?

Плечами пожала:

— Оберег поставишь, не вернется.

Надо ли говорить, что поставил? Ричарда в напарники позвал. Надежней дурака в таком деле никого нет. Бабка дорогу показывала. Привезли мы бревно, вырезали на нем, как сумели, тигриную морду. На кошку больше смахивает, по-моему. Ричард, вообще, грит, на свинью. Но бабка велела, как резать стану, думать про тигра. Ну я и думал. Значит, Тигр. Вкопали прям у дороги, километрах в полутора от деревни, там, где шаманка жила.

Так что, считайте, хепиэндом все закончилось. Менты с зоологами еще три дня потусовались и сдрыснули, нечего ловить.